

История любви

Автор:

[Эрик Сигал](#)

История любви

Эрик Сигал

История любви #1

Обычная история. Вечная как мир. Они встретились случайно – будущий юрист, один из лучших в Гарварде, и студентка музыкального колледжа, умная и своенравная. Влюбились, поженились, стали жить. Иногда ссорились. Мечтали о детях, но жизнь рассудила иначе.

Этот роман никого не оставляет равнодушным, хотя впервые увидел свет более 50 лет назад, совсем в другую эпоху.

Одноименный фильм (режиссер А. Хиллер) получил больше десяти престижнейших кинопремий, в том числе «Оскара» за лучшую музыку и пять (!) «Золотых глобусов».

Эрик Сигал

История любви

Посвящается Сильвии Хершер и Джону Флакسمану

...Ведь вы же верите, что все ничтожные шалости, мною совершенные, чего-то да стоят...[1 - Цитата Гая Валерия Катулла (лат. Gaius Valerius Catullus) (ок. 87 до н. э. – ок. 54 до н. э.), ориг.: «...namque... solebatis Meas esse aliquid putare

nugas...»]

Erich Segal

Love Story

© 1970 by Erich Segal

© Рапопорт И., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке,

оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

1

Что можно сказать о двадцатипятилетней девушке, которой больше нет?

Что она была красавицей. И умницей. Можно рассказать о том, как она любила Моцарта и Баха. И «Битлов». Ну, и меня. Как-то раз, когда мне изрядно наскучила ее болтовня о музыкальных пристрастиях, я спросил: «В каком порядке ты всех нас любишь?» На что она, растянув губы в улыбке, ответила: «В алфавитном», что в тот момент меня тоже заставило улыбнуться. А теперь вот сижу и гадаю: меня в этом списке она ставила по имени? Или по фамилии? Если первое, то я всего лишь плелся где-то за Моцартом. Если же второе, то, значит, она любила меня немного меньше Баха и чуть больше, чем «Битлз». В любом случае, первое место было мне заказано, что, признаюсь, по неясным, но совершенно глупым причинам очень меня злило. Может быть, потому, что я с детства привык во всем быть первым? Это у меня, знаете ли, семейное.

* * *

Той осенью я учился на последнем курсе и завел привычку посещать библиотеку Рэдклиффа – не для того даже, чтобы полюбоваться сексапильными студентками (хотя, не скрою, и поэтому тоже). Но главное, что там было тихо, я не боялся наткнуться на кого-то из знакомых, а спрос на книги был гораздо меньше, чем в библиотеке моей alma mater. На следующий день предстояло сдавать очередной экзамен по истории, а я еще не открыл ни одной книги из списка литературы – типичный синдром студента Гарварда. Я неспешно направился к стойке выдачи книг, надеясь получить заветный том, который спасет меня от провала на завтрашнем экзамене. За стойкой суетились две особи женского пола: первая – здоровенное нечто в теннисной форме, вторая – типичная серая мышка в очках. Я остановил свой выбор на Мышке-Четырехглазке.

– У вас есть «Закат Средневековья»?

Она метнула в меня недовольный взгляд.

– А у вас, кажется, есть собственная библиотека? – спросила она с издевкой.

– Послушай, дорогуша, студенты Гарварда имеют право брать книги из библиотеки вашего универа!

– Речь не о правах, мой маленький Преппи[2 - Преппи – Preppie (амер.) – пренебрежительное прозвище абитуриентов, обучающихся на частных курсах, чтобы поступить в высшее учебное заведение. Обычно это дети состоятельных родителей.], а о вопросах этики. У вас там книг пять миллионов, а у нас всего лишь пара жалких тысконок.

Бог мой, похоже, мне попалась очередная особа, которая мнит себя представителем высшей касты! Такие обычно воображают, что если соотношение девушек и парней в Рэдклиффе и Гарварде – пять к одному, то и девицы тут, соответственно, в пять раз умнее. С подобными я обычно не церемонился, однако в тот момент больше думал о чертовой книге.

– Слушай, ты! Мне нужна эта проклятая книга!

– Будь любезен, поумерь свой пыл, Преппи!

- Черт, да с чего ты вообще взяла, что я учился на подготовительных курсах?

- Так ведь сразу видно, что ты тупой и богатый! - бросила она, снимая очки.

- Неправда! - возразил я. - На самом деле я бедный и умный.

- Вот уж нет, милый. Это скорее я умная и бедная.

Она уставилась своими карими глазами прямо на меня. Что ж, хорошо. Может быть, я и похож на богатого, но уж какой-то там задаваке из Рэдклиффа, пусть даже с красивыми глазами, болваном себя называть точно не позволю.

- Какого черта ты себя здесь держишь за самую умную? - спросил я.

- Потому что ни за что на свете не пошла бы с тобой пить кофе, - ответила она.

- А кто тебе сказал, что я собираюсь тебя пригласить?

- Вот, - сказала она. - И ты - полный идиот именно потому, что не собираешься!

Теперь объясню, пожалуй, почему же я все-таки ее пригласил. Все просто: я капитулировал как раз в нужный момент, притворившись, что внезапно мне захотелось выпить с ней чашечку кофе, и наградой за мои старания стал вожделенный фолиант. А так как девушке нужно было дежурить до закрытия библиотеки, в моем распоряжении оказалась куча времени, чтобы успеть запомнить парочку многозначительных фраз о том, как в конце одиннадцатого века королевская власть, приобретая все большую поддержку со стороны законников, постепенно излечилась от клерикальной зависимости. В итоге на экзамене мне не хватило самой малости до высшей оценки: я получил А с минусом. Забавное совпадение - ровно на столько я оценил ножки Дженни, когда она вышла из-за библиотечной стойки. Не могу, впрочем, сказать, что ее прикид претендовал на такую же высокую оценку, по-моему, одета она была слишком богемно. Особенно мне не приглянулась вещица в индийском стиле, которую она использовала в качестве дамской сумочки. Слава богу, я не стал об этом распространяться - и правильно: впоследствии выяснилось, что сумочку Дженни сделала сама.

Мы отправились в местечко под названием «Лилипут», расположенное неподалеку, клиентами которого были, вопреки звучной вывеске, не только люди небольшого роста. В этой забегаловке делали прекрасные сэндвичи. Я заказал два кофе и «брауни» с мороженым (для нее).

– Меня зовут Дженнифер Кавильери, – произнесла она. – Я – американка итальянского происхождения.

Как будто я по фамилии не догадался!

– В качестве главного предмета я выбрала музыку, – добавила она.

– А я – Оливер, – ответил я.

– Это имя или фамилия? – поинтересовалась она.

– Имя, – сказал я, а затем озвучил свое полное (ну, почти полное) имя: – Оливер Барретт.

– Надо же! – сказала она. – Твоя фамилия Барретт[3 - Элизабет Барретт Браунинг (Моултон) (англ. Elizabeth Barrett Browning, 1806–1861) – известная английская поэтесса Викторианской эпохи.], как у поэтессы?

– Да, – ответил я. – Но мы не родственники.

Повисла пауза, и у меня было достаточно времени, чтобы обрадоваться, что вместо вопроса о поэтессе она не произнесла это извечное: «Барретт – как Барретт Холл[4 - Барретт Холл – одно из зданий на территории Гарварда, построенное в 1859–1860 гг. архитектором Чарльзом Е. Парксом на пожертвования Бенджамина Бартонна из Нортхэмптона и названное в честь последнего.]?» К сожалению, в моих жилах и правда текла кровь парня, который подарил университету этот уродливый монумент непомерному тщеславию моего богатого рода, считавшего Гарвард единственным оплотом цивилизованных людей.

Дженни по-прежнему хранила молчание. Неужели мы так быстро исчерпали все темы для разговора? Или ее оттолкнуло от меня то, что я никак не связан с

Элизабет Барретт? Что произошло? Девушка сидела молча, слегка улыбаясь мне. Чтобы чем-то себя занять, я принялся за ее тетрадки. Симпатичный почерк – маленькие острые букочки, ни одной заглавной (она что, вообразила себя последовательницей Е. Е. Каммингса?[5 - Эдвард Эстлин Каммингс (англ. Edward Estlin Cummings; 1894–1962) – американский поэт, писатель, художник, драматург, представитель формализма. Считается, что Каммингс предпочитал писать свою фамилию и инициалы с маленькой буквы (как e.e.cummings), однако никаких документальных подтверждений этого не существует.]). А занималась Дженни предметами совершенно немислимыми – «Сравнит. лит. 105, Музыка 150, Музыка 201...»

– Музыка 201? Курс для выпускников?

Дженни кивнула с плохо скрываемой гордостью:

– Полифония времен Ренессанса!

– Что это – «полифония»?

– Расслабься, Преппи, к сексу это отношения не имеет.

С какой стати я должен был терпеть все это? Она что, никогда институтскую газету не открывала? Она вообще в курсе, кто я такой?

– Эй, ты хоть знаешь, кто я?

– Да, – ответила она с некоторым пренебрежением. – Ты – парень, которому принадлежит Барретт Холл.

Ну вот, конечно, она понятия не имела, кто я такой.

– Барретт Холл мне не принадлежит, – уточнил я. – Просто мой прадедушка подарил это здание университету.

– Чтобы его неудачника-внука точно приняли в Гарвард?

Все, Дженни, тут ты перешла все границы!

– Дорогуша, если ты так сильно убеждена, что я неудачник, за каким же лядом ты меня вынудила отвести тебя в кафе?

Она посмотрела мне прямо в глаза и широко улыбнулась:

– Просто мне нравится твоя фигура.

Одним из качеств, определяющих настоящего победителя, является, как ни странно, умение проигрывать. Талант истинного студента Гарварда – уметь из поражения сделать настоящую победу.

«Да, потрепали вас сегодня, Барретт. Но вы так хорошо сыграли!»

«Я так рад, что победа за вами, ребята, она же так вам была нужна!»

Безусловно, окончательная и бесповоротная победа достойна любых жертв. То есть если у вас есть шанс забить гол в самый последний момент, стоит им воспользоваться. Так что, провожая Дженни до общежития, я все еще надеялся одержать победу над этой чертовкой из Рэдклиффа.

– Послушай, гадкая девчонка, в пятницу вечером будет хоккейный матч. Дартмут играет.

– И?

– И я хочу, чтобы ты пришла.

Дженни ответила с обычным для студентки Рэдклиффа уважением к спорту:

– С какого перепугу я должна прийти на какой-то дурацкий хоккейный матч?

Я выжал из себя всю небрежность, на которую только был способен:

– Потому что играть буду я.

На несколько мгновений наступила тишина. Мне кажется, слышно было даже, как падает снег.

- За какую команду? - поинтересовалась Дженни.

2

Оливер Барретт IV

Ипсвич, штат Массачусетс

Возраст - 20 лет.

Специальность - общественные науки.

Деканский список[6 - Деканский список - список студентов колледжа или университета, которые набрали высший балл по изучаемым предметам в течение семестра, триместра или учебного года.]: 1961, 1962, 1963.

Член хоккейной команды - победителя чемпионатов Лиги Плюща[7 - Лига Плюща - объединение восьми частных вузов на северо-востоке США. Этот термин подразумевает высочайшее качество образования, избирательность при поступлении и принадлежность обучающихся к социальной элите.]: 1962, 1963.

Будущая карьера - юриспруденция.

Учится на последнем курсе.

Выпускник Академии Филлипса в Эксетере.

Рост - 5 футов 11 дюймов.

Вес - 185 фунтов.

Конечно, Дженни уже прочитала в программке всю информацию обо мне. Я трижды осведомлялся у нашего менеджера Вика Клэмана, досталась ли ей программка.

– Боже мой, Барретт, это что, твое первое свидание?

– Заткнись, Вик, а то будешь свои зубы с пола собирать.

Разминаясь на льду, я ни разу ей не помахал (ай-ай-ай, какой я нехороший!), даже не смотрел в ее сторону. И все же, уверен, Дженни думала, что я на нее глазею. Ну не из благоговения же к флагу Соединенных Штатов она сняла очки, когда зазвучал гимн?..

К середине второго периода мы шли с Дартмутом ноздря в ноздю: 0:0. Противостояние было настолько ожесточенным, что мы с Дэйви Джонстоном несколько раз чуть не продырявили сетку их ворот. Зеленые ублюдки почували настрой и стали играть жестче, возможно, намереваясь сломать пару костей, прежде чем мы до них доберемся. Зрители на трибунах верещали, одолеваемые жаждой крови. В хоккее это значит либо в самом деле кровавое побоище, либо забитый гол. Так как мое положение обязывало повиноваться желаниям публики, я был не против ни первого, ни второго.

Центральный нападающий команды противника Эл Рэддинг приблизился к синей отметке, и мы сцепились. Я выбил у него шайбу и погнал к воротам. Гул трибун становился все громче. Слева от меня находился Дэйви Джонстон, но я решил, что справлюсь с ситуацией сам: вратарь дартмутцев, не отличавшийся особой храбростью, боялся меня еще с тех времен, когда играл в команде Дирфилда. Однако, прежде чем я успел увернуться, оба их защитника устремились в погоню за мной, и мне пришлось намотать пару кругов вокруг сетки, чтобы не дать им перехватить шайбу. И вот теперь мы трое отступали к бортику. Обычно в подобной ситуации я придерживаюсь тактики яростно лупить любого из команды противника, кто под руку подвернется. Где-то под ногами болталась шайба, но в этот момент наши мысли гораздо больше занимало, как бы побольнее друг друга отделать.

Свисток судьи прогремел, как гром среди ясного неба:

– Удаление на две минуты!

Я поднял голову. Рефери указывал на меня. Меня?! А я-то что нарушил?

- Да ладно вам, судья, что я такого сделал?

Видимо, развивать дискуссию он был не намерен, так как крикнул в сторону судейского столика: «Номер седьмой – удаление, две минуты!» – и подтвердил это соответствующими жестами...

Я, естественно, выразил протест, но скорее из вежливости: зритель всегда на стороне своего героя, как бы неправильно тот ни поступил. Судья дал мне отмашку. Сгорая от недовольства, я медленно покатил в сторону штрафной скамьи. Перемахивая через бортик, сквозь скрежет лезвий коньков по деревянному полу я услышал, как громкоговоритель прорычал:

«Удаление с поля. Игрок Барретт. Команда Гарварда. Время – две минуты».

С трибун раздался неодобрительный ропот. Некоторые студенты Гарварда выразили сомнения по поводу остроты зрения судей и их непредвзятости. Тем временем я сидел на скамье, судорожно пытаюсь отдышаться и не смотреть вверх, а тем более на лед – туда, где сейчас у дартмутцев оказалось численное превосходство.

- Почему ты сидишь здесь? Все твои друзья там, на поле, играют!

Голос принадлежал Дженни. Вместо того чтобы ей ответить, я принялся громко подбадривать наших.

- Ну, давай, Гарвард! Шайбу, шайбу!

- Что ты натворил?

Я повернулся – только ради приличия, это ведь я ее сюда пригласил:

- Перестарался!

И снова стал наблюдать за тем, как мои соратники мужественно пытались свести на нет все решительные попытки Эла Рэддинга перехватить инициативу на поле.

- Это что, так позорно? - продолжила донимать меня Дженни.

- Не мешай мне, а? Я пытаюсь сосредоточиться!

- Сосредоточиться на чем?

- На том, как я урою этого ублюдка Эла Рэддинга!

С этими словами я повернулся в сторону катка, чтобы морально поддержать товарищей по команде.

- Ты любишь «грязную» игру?

Мой взгляд был прикован к шайбе, вокруг которой роились подонки из команды противника. Я считал секунды до того момента, когда смогу вновь выйти на лед. Но Дженни никак не отставала:

- А меня ты тоже можешь «урить»?

Не поворачивая головы, я процедил ей сквозь зубы:

- Если ты не заткнешься, то узнаешь это прямо сейчас!

- Ну, я пошла. Пока.

Когда я обернулся, ее уже не было. Только я собрался встать, чтобы найти ее в толпе, как мне сообщили, что мое время на штрафной скамье истекло. Я перемахнул через барьер, и полозья коньков заскользили по льду.

Трибуны разразились радостными возгласами. Ведь теперь Барретт был в команде, а значит, все шло как надо. Так что, где бы Дженни ни находилась, энтузиазм по поводу моего возвращения на поле не останется для нее

незамеченным. И плевать, куда она там подевалась.

Кстати, а куда она подевалась?..

Тем временем Рэддинг произвел мощный бросок, но наш вратарь отбил шайбу. Джин Кеннауэй, к которому она теперь попала, направил ее так, что сейчас шайба была в пределах моей досягаемости. Рванув к ней, я подумал, что у меня есть доля секунды, чтобы взглянуть на трибуны и найти глазами Дженни. Я увидел ее, она была там.

В следующую секунду я оказался на собственной заднице. Двое «зеленых» атаковали меня, и я загремел прямо на лед. Возмутительно недостойная ситуация! Барретт шлепнулся на пятую точку! Мои верные фанаты застонали, когда я поскользнулся. А жадные до кровавой бойни болельщики Дартмута свистели и улюлюкали от радости, скандируя: «Бей! Бей!»

Бог мой, что подумала обо всем этом Дженни?..

Дартмутцы снова атаковали наши ворота, и снова наш вратарь спас положение. Шайба перекечевала к Кеннауэю, тот передал ее Джонстону, а последний – мне (к этому моменту я уже смог подняться). На трибунах начало твориться что-то совершенно невообразимое. Зрители требовали гола. Я завладел шайбой и повел ее через все поле к линии дартмутцев. Двое их защитников катили прямо на меня.

«Вперед, Оливер! Жми! Порви их всех!»

Среди мощного рева толпы я расслышал пронзительный визг Дженни. Ее голос был полон изысканной ярости. Я обманул одного защитника, а во второго въехал с такой силой, что тот отключился. А затем, вместо того чтобы бить по воротам самому, перебросил шайбу Дэйви Джонстону, который находился справа от меня. А тот уже послал ее точно в ворота. Гарвард открыл счет!

В следующий миг все наши, крича от восторга, сбились в кучу-малу: и я, и Дэйви, и все остальные игроки обнимались, целовались, ласково хлопали друг друга по спине, прыгая от радости (на коньках, представьте себе!). Трибуны бесновались. Болельщики кидали на лед программки. А защитник команды противника, в которого я врезался, все еще не мог подняться. Да, шеи-то мы дартмутцам

сегодня посворачивали! Конечно, это метафора: защитник поднялся, как только смог восстановить дыхание. Но все равно, в тот день мы порвали их со счетом 7:0.

Если бы я был сентиментален и любил Гарвард настолько, чтобы иметь дома фотографию какого-либо из его зданий, думаю, на этом снимке был бы запечатлен стадион «Диллон». Именно это место я считал настоящим домом. Пусть за такие слова у меня отберут диплом, но библиотека значила для меня куда меньше, чем пропахшая потом раздевалка на стадионе. Каждый вечер после учебы я отправлялся туда. Я входил в раздевалку, в качестве приветствия перекидываясь с приятелями парой пошлых шуточек, сбрасывал оковы цивилизации и превращался в спортсмена. Непередаваемое ощущение – надевать хоккейные доспехи и майку со старой доброй цифрой «7» (я мечтал, что после моего ухода из команды майку спишут, но как-то не сложилось, увы). Затем я брал коньки и направлялся в сторону катка.

Но самым приятным было возвращаться на стадион после игры. Приходишь, стягиваешь с себя потную форму и торжественно шествуешь в чем мать родила к стойке за полотенцем:

– Ну, как поработал сегодня, Олли?

– Отлично, Ричи. – Или: «Отлично, Джимми».

Проходишь в душевую и под звук льющейся воды слушаешь, кто, что, с кем и сколько раз сделал в ночь с субботы на воскресенье. «Мы поимели-таки этих пышечек из колледжа Маунт-Ида!...»

У меня была еще и отдельная привилегия: персональное место для медитаций. Природа преподнесла мне щедрый подарок в виде большого колена. Да, именно подарок – мою призывную карточку иначе как Божьим даром не назовешь! Так вот, после каждой игры мне было положено отмокать в гидромассажной ванне. Пока горячие струи клубились вокруг моего колена, я (с гордостью!) пересчитывал свои синяки и ссадины, размышляя обо всем и ни о чем сразу. В тот вечер я вспоминал о двух шайбах – той, которую забил сам, и еще об одной, забитой с моей подачи. К тому же мысли мои занимал титул очередного чемпиона среди команд Лиги Плюща, который, благодаря победоносному матчу с Дартмутом, был практически у нас в кармане.

– Греемся в джакузи, Олли?

Голос принадлежал Джеки Фэлту. Он был нашим тренером и самопровозглашенным духовным наставником.

– Ну, не лысого ж гоняю, Фэлт!

Тренер прыснул, и его лицо озарила совершенно идиотская улыбка.

– Знаешь, что с твоим коленом не так, Олли? А я знаю!

Я прошел по всем врачам на Северо-Востоке, но Джеки Фэлт, конечно, лучше в этом разбирался.

– Ты неправильно питаешься.

Разговор продолжать не хотелось.

– Ты мало ешь соленого!

Придется сделать вид, что я ему поверил, может, тогда он, наконец, свалит.

– Хорошо, спасибо, Джек, теперь я буду есть больше соленого!

В жизни не видел более довольной физиономии. Он так и вышел из душевой – с выражением абсолютного счастья на лице полного идиота. А, неважно, главное, что я снова остался один. Подставив под пузырящиеся струи свои чресла, откликнувшиеся приятной ломотой, я по самую шею погрузился в горячую воду, закрыв от удовольствия глаза. До чего ж хорошо!..

Вот черт! Меня же на улице ждет Дженни... Надеюсь... Надеюсь, она еще там! Господи Иисусе! Сколько же времени я прокайфовал в этом уютном местечке? А Дженни все это время прождала там, снаружи, на жутком холоде!

Кажется, я установил новый мировой рекорд по скоростному одеванию. Даже не дав волосам обсохнуть, я пулей выскочил из дверей стадиона.

Меня оглушила волна обжигающе холодного воздуха. Милостивый Боже, ну и холодрыга! А темнотища-то! У входа все еще топталась пара-тройка болельщиков, в основном старые верные фанаты – наши выпускники, которые так и не смогли побороть в себе любовь к хоккею. Среди них я заметил Джордана Дженкса, который приходил на каждый матч, на каждый – на нашем ли поле или на чужом. До сих пор не понимаю, как, будучи крупным банкиром, он ухитряется выкроить минутку для хоккея? И главное – зачем?

– Потрепали тебя сегодня, Оливер!

– Да, господин Дженкс, вы же знаете, как они привыкли играть!

Я огляделся по сторонам – где же Дженни? Неужели пошла домой: в такой холод и одна?!

– Дженни!

Я на несколько шагов отошел от сборища болельщиков и отчаянно вертел головой в поисках девушки. И вдруг кто-то выскочил из кустов. Дженни! Она целиком закутала лицо шарфом, оставив только просвет для глаз.

– Слушай, Преппи, здесь чертовски холодно!

– Дженни! – Я был так рад ее видеть.

Настолько, что даже слегка чмокнул в лоб, не вполне понимая, что делаю.

– Я что, разрешила?

– Что разрешила?

– Я тебе разрешила себя целовать?

– Прости, я... увлекся...

– Зато я – нет!

Почти все разошлись. Мы остались одни. В темноте, на холоде, в такой поздний час. И тут я поцеловал ее снова. На этот раз уже не в лоб и уж точно не слегка – поцелуй длился восхитительно долго. Когда я отстранился, Дженни все еще держала меня за рукав.

– Что-то мне все это не нравится, – задумчиво произнесла она.

– Что не нравится?

– То, что мне это нравится!

Хотя у меня была машина, мы пошли пешком – Дженни хотела прогуляться. Всю дорогу она держала меня не за руку, а за рукав. Да, именно за рукав. Почему – я и сам не знаю. Но на пороге Бриггс Холла от поцелуев и церемонных пожеланий спокойной ночи я воздержался.

– Слушай, Джен, я, может быть, не буду звонить пару месяцев.

Она на секунду задумалась. Вернее, на несколько секунд. А потом вдруг спросила:

– С чего бы это?

– А может, позвоню сразу же, как только доберусь до телефона! – выпалил я и зашагал прочь.

До меня донесся ее злобный шепот: «Подонок!» Тогда я обернулся и крикнул с расстояния в пару метров:

– Вот видишь, Дженни, раз ты так любишь унижать других, теперь почувствуй себя на их месте!

Я бы все отдал, чтобы посмотреть на выражение ее лица в ту секунду, но оборачиваться не стал – из стратегических соображений.

Когда я вошел в свою комнату, Рэй Стрэттон, мой сосед, резался в покер с двумя парнями из футбольной команды.

– Хай, кабаны!

Ответом мне было одобрительное хрюканье.

– Как успехи, Олли? – спросил Рэй.

– Две шайбы: одна – с моей подачи, вторую забил сам!

– В ворота Кавильери?

– Не твое дело! – отрезал я.

– Кавильери – это еще кто? – встрепенулся один из громил-футболистов.

– Дженни Кавильери, – ответил ему Рэй. – Зануда-музыкантша.

– Знаем такую! – сообщил второй амбал. – Она ж фригидная!

Не обращая внимания на идиотские сентенции этих озабоченных грубиянов, я схватил телефон и понес его в свою комнату.

Стрэттон тем временем продолжал:

– Она на пианино играет в «Обществе друзей Иоганна Себастьяна Баха».

– Интересно, а с Олли она во что играет?

– Наверное, в недотрогу!

Снова хмыканье, хрюканье и гогот. Праздник в зверинце!

– Джентльмены, – толкнул я дверь в комнату. – А не пойти бы вам?!.

Дверь захлопнулась, приглушив очередной взрыв нечеловеческого веселья. Я лег на кровать, скинул ботинки, и набрал номер Дженни.

Разговаривали мы шепотом.

- Джен?..

- Чего тебе?

- Джен, что бы ты сказала, если бы я...

Я колебался. Она не вешала трубку.

- По-моему, я в тебя втюрился!

Повисла пауза, после чего она совсем тихим голосом произнесла:

- Я бы ответила, что ты... Говнюк!

А потом повесила трубку.

Если честно, я не был ни расстроен, ни удивлен.

3

Во время матча с Корнеллом я получил травму.

Сам виноват! Думать надо было, когда назвал их центрального нападающего «чертовым канадцем». И ведь забыл же, что четыре члена их команды – канадцы. Разумеется, все четверо оказались не только здоровенными амбалами с отменным слухом, но и ярыми патриотами... Мало того, что меня хорошенько отделали, мне еще и вlepили увесистую пощечину в виде удаления с поля! Надо было слышать, как ликовали болельщики команды Корнелла, когда мой приговор огласили по громкой связи! Впрочем, им было легко перекричать фанатов Гарварда, лишь немногие из которых изъявили желание присутствовать на матче. Еще бы – для этого им бы пришлось переться в Итаку,

штат Нью-Йорк, чего большинство из них не сделало бы даже ради матча за звание чемпиона Лиги Плюща. Целых пять минут мне предстояло провести на штрафной скамье... Подъезжая к ней, я заметил, что наш тренер рвет на себе волосы.

В мгновение ока ко мне подскочил Джеки Фэлт. И только в эту секунду я, наконец, понял, что вся правая сторона моего лица превратилась в кровавое месиво.

– Господи! – приговаривал тренер, пытаюсь остановить кровотечение. – Господи Иисусе! Олли!

Я спокойно сидел и молчал, тупо уставившись вперед и стараясь не смотреть в сторону катка. Меж тем сбывались мои худшие опасения: шайба влетела в наши ворота. Фанаты Корнелла визжали, свистели и улюлюкали. Теперь, когда счет сравнялся, корнелльцы могли претендовать на победу, а значит, и на звание команды-чемпиона. Дьявольщина! А я ведь еще не отсидел даже половину штрафного времени.

Расположившиеся на трибуне напротив немногочисленные гарвардские болельщики хранили скорбное молчание. К этому моменту все уже забыли обо мне, и лишь один зритель взглядом следил за штрафной скамьей. Да, и он был здесь. «Если конференция закончится вовремя, я постараюсь успеть на ваш матч»... Среди немногочисленных фанатов Гарварда с совершенно непроницаемым выражением лица гордо восседал Оливер Барретт Третий. Все вокруг выражали свою поддержку, но только не он.

Мистер Каменное Лицо – так я называл его про себя – с абсолютно бесстрастным видом взирал, как последние капли крови на лице его единственного сына исчезают под пластырем. Интересно, какое порицание он произнес про себя на этот раз? Думаю, что-нибудь вроде: «Ай-ай-ай!»

... – Сынок, если ты так уж любишь драться, почему бы тебе не выбрать в качестве увлечения бокс?

– Папа, у Академии Филлипса нет сборной по боксу...

... – Думаю, приезжать на ваши матчи мне не обязательно.

- Ну не ради тебя же мне в них участвовать, отец!

- Не нравится мне твой тон, сынок...

Никто никогда не мог сказать, что творилось в голове у Барретта-старшего. Он всегда был сама невозмутимость, этакая ходячая гора Рашмор[8 - Рашмор (англ. Mount Rushmore) - гора в горном массиве Блэк-Хилс, Южная Дакота, США. Известна вырезанным в гранитной породе барельефом, изображающим четырех президентов США: Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Теодора Рузвельта и Авраама Линкольна.]. В общем, мистер Каменное Лицо - его идеальная характеристика.

Сейчас этот человек, скорее всего, предавался самолюбованию - смотрите, я - один из тех немногих, кто болеет за сборную Гарварда, кто приехал на игру. Я, Оливер Барретт Третий, деловой человек, несмотря на то, что у меня несколько собственных банков и куча дел, приехал аж в Корнелл - и все ради какого-то несчастного матча по хоккею! Трогательный спектакль. (Только для кого?..)

С трибун снова раздались крики - на сей раз гораздо более оглушительные: команда Корнелла забила очередной гол. А у меня оставались еще две долгих штрафных минуты! Разъяренный Дэйви Джонстон с покрасневшим от гнева лицом пронесся по льду мимо меня, даже толком не взглянув. Погодите, он что, плачет? То есть, конечно, на кону стоял чемпионский титул, но плакать из-за этого? Хотя понятно, откуда эти слезы: Дэйви ведь был, в некотором роде, легендарным игроком - семь лет в хоккее и ни одного поражения, ни в старших классах, ни в колледже. Он был на последнем курсе. И это была наша последняя большая игра...

Окончившаяся сокрушительным поражением: 3:6.

Мне сделали рентген - кости оказались не сломаны. После чего тамошний доктор по имени Ричард Сельцер наложил мне дюжину швов. Джеки Фэлт метался по кабинету, сетуя, что я неправильно питаюсь, и утверждая, что травму можно было предотвратить, если бы я принимал больше таблеток с морской солью. Сельцер, не обращая на этого сумасшедшего никакого внимания, поведал мне, что, так как нижняя стенка орбиты моего глаза (выражаясь языком медицины) чудом не пострадала, самым разумным решением будет в ближайшую неделю воздержаться от тренировок. Я его поблагодарил, и

Сельцер покинул кабинет. Фэлт увязался за ним, не оставляя попыток завести с доктором дискуссию о пользе правильного питания. Наконец-то меня оставили в покое.

Я не спеша принял душ, стараясь, чтобы вода не попала на швы. Правая сторона лица начинала болеть: действие новокаина ослабевало. Я, в общем-то, был даже рад, что могу чувствовать боль – чем не наказание за то, что я так опростоволосился? Разве не из-за меня мы потеряли титул чемпиона Лиги Плюща, а репутация бедного Дэйви Джонстона, да и всех остальных, была бесповоротно разрушена? Как назло, студенты последнего курса, которые играли в нашей команде, не знали поражений до сегодняшнего дня! Конечно, нельзя сказать, что всем этим позором они обязаны были исключительно мне, но кому от этого легче?..

Раздевалка была пуста. Должно быть, ребята уже вернулись в мотель. После случившегося, думаю, они не горели желанием видеть меня. Мне было в буквальном смысле горько – на языке чувствовался горький привкус. Я тихо оделся, собрал вещи и вышел на улицу, ощутив морозное дыхание зимы. Несколько болельщиков нашей команды все еще были тут.

Дженкс, подойдя ко мне, спросил:

– Как щека, Барретт?

– Спасибо, нормально, мистер Дженкс.

И тут, откуда ни возьмись, возник еще один до боли знакомый голос:

– Сейчас, наверное, не помешал бы кусок мяса?

Ну, конечно, сэр Барретт-старший. Как типично для моего отца предложить столь «проверенное» средство для лечения фонаря под глазом.

– Не стоит, пап, врачи уже сделали все возможное! – ответил я, приподняв повязку, скрывавшую всю мою дюжину швов.

– Я имел в виду, кусок мяса не помешал бы твоему желудку.

За обедом состоялась очередная папина неудачная попытка завязать со мной полноценную беседу. Такие обычно начинались со слов: «Ну, как поживаешь?», а финальным штрихом была фраза: «Тебе ничего не нужно, сынок?»

– Ну, как поживаешь?

– Спасибо, неплохо, сэр.

– Щека болит?

– Нет, что ты.

На самом деле наркоз переставал действовать, и боль швы начинали причинять просто невыносимую.

– Я хотел бы, чтобы в понедельник ты сходил на осмотр к доктору Джеку Уэллсу.

– Это ни к чему.

– Но он – первоклассный специалист...

– Доктор из Корнелла, насколько я понял, тоже не ветеринар, – бросил я, напрасно надеясь, что этим смогу остановить очередное проявление папиного снобизма: ему всегда подавай лучших экспертов, асов своего дела... В общем, представителей высшей касты.

– Не повезло тебе сегодня, – ответил Оливер Барретт Третий, а затем предпринял (неудачную, впрочем) попытку пошутить: – Такая зверская травма.

– Да, сэр. – Интересно, он и вправду думал, что меня этим можно рассмешить?

Тут вдруг мне пришло в голову, что это «остроумное» замечание моего отца можно рассматривать как весьма тонкий упрек в том, что случилось сегодня на льду.

– Или ты имел в виду мое скотское поведение во время игры?

Мне показалось, что на папином каменном лице отразилось удовлетворение. Но вслух он произнес лишь:

- Не я начал разговор о ветеринарии.

Тогда я решил, что самое время уткнуться в меню.

Пока подавали первое блюдо, мистер Каменное Лицо, кажется, успел, хотя я отчаянно пытаюсь забыть его вечные нотации, пройтись по моим победам и поражениям. Он с важным видом заметил, что, хоть титул чемпиона мы и упустили (грубо играете, папочка!), в спорте важна не победа, а участие. Это его замечание так сильно смахивало на девиз Олимпийских игр, что я сразу понял - сейчас папа в очередной раз покажет, насколько ему до лампочки все, что имеет какое-либо отношение к спортивным титулам Лиги Плюща. Цитировать олимпийские слоганы я не собирался, поэтому ограничился лишь заготовленным заранее «Да, сэр!».

Мы пробежались по всему диапазону обычных тем для разговора, которые всегда, так или иначе, выводили на его особо излюбленную тему - мои планы на будущее.

- Кстати, Оливер, ответ из Школы права[9 - Гарвардская школа права (англ.: Harvard Law School) - юридический колледж, входящий в комплекс учебных заведений на территории Гарварда.] еще не пришел?

- Видишь ли, папа... Я еще не определился, хочу ли я там учиться.

- Меня больше интересует, определились ли они с твоим зачислением.

Наверное, очередная шутка. Наверное, мне стоило бы улыбнуться в ответ на замысловатые риторические приемы, которыми щеголял мой папаша.

- Я мог бы позвонить Прайсу Зиммерману...

- Нет! - мгновенно отреагировал я. - Пожалуйста, не надо, сэр.

– Я не собираюсь просить за тебя, – признался Барретт-старший. – Просто хочу узнать, что они решили.

– Пап, я хочу получить от них письмо в порядке общей очереди, как все нормальные студенты. Пожалуйста.

– Да. Конечно. Хорошо. Тем более что у них почти нет поводов сомневаться в своем решении.

И как ему это только удавалось: даже похвала в его устах звучала как жуткое оскорбление.

– Вот это вряд ли. У них нет сборной по хоккею, а за какие еще заслуги меня принимать?

Не имею ни малейшего понятия, зачем мне понадобилось унижать себя в тот момент... Думаю, просто чтобы возразить ему.

– У тебя есть и другие достоинства, – утешил меня Оливер Барретт Третий, но в подробности вдаваться не стал. Впрочем, вряд ли он вообще это умел...

Еда была настолько же безвкусной, насколько и беседа. Вот только если то, что булочки окажутся черствыми, я мог предугадать еще до их появления на столе, то предвидеть, что скажет отец в следующее мгновение, было абсолютно невозможно.

– К тому же не стоит забывать про Корпус мира[10 - Корпус мира (англ. Peace Corps) – американская гуманитарная организация, отправляющая добровольцев в бедствующие страны для оказания помощи.], – вдруг произнес он.

– Что, сэр? – переспросил я, не вполне понимая, вопрос это или утверждение.

– Я полагаю, Корпус мира – прекрасная организация. Ты так не думаешь? – продолжил папа.

– Ну, конечно, – ответил я. – Гораздо лучше, чем Корпус войны.

Счет сравнялся: мы оба упустили смысл высказываний друг друга. Он что, решил поговорить о Корпусе мира, что ли? Или теперь мы будем обсуждать, что сейчас происходит в мире и какими программами занимается наше правительство? Конечно, нет. Я же забыл: в списке главных тем наших с отцом дискуссий на первом месте всегда стояли исключительно мои планы на будущее.

– Если бы ты присоединился к Корпусу мира, я, безусловно, был бы не против.

– Это взаимно, сэр, – пытаюсь переплюнуть его великодушие, буркнул я. Все равно мистер Каменное Лицо никогда не слушает, поэтому неудивительно, что мой скромный сарказм остался для него незамеченным.

– А что насчет твоих коллег по институту? – продолжил отец. – Как они к этому относятся?

– К чему, сэр?

– К Корпусу мира. Он ведь и для них имеет огромное значение, не так ли?

Мой Бог, похоже, папочка не мог жить без фразы «Да, сэр!», словно рыба без воды. И я ответил:

– Да, сэр.

Черт побери, даже яблочный пирог, который нам принесли, оказался черствым.

...Около половины двенадцатого я проводил его до машины.

– Тебе ничего не нужно, сынок? – спросил он, как всегда.

– Нет, сэр. Спокойной ночи.

И автомобиль умчался вдаль.

Конечно, отец мог бы добраться домой на самолете. Но Барретт-старший всегда предпочитал автомобиль. Не для того, чтобы показать своему сыну пример. Ему

просто нравилась быстрая езда. А когда вы за рулем двухместного «Астон Мартина», уж поверьте мне, разогнаться можно нехило. Да еще в такое время суток, когда все дороги уже пусты. Прощаясь с отцом, я заметил, что тот нетерпеливо поглядывал на часы. Это могло значить лишь одно: новый рекорд по преодолению расстояния между Бостоном и Итакой обеспечен. Старый он установил после прошлогоднего матча: тогда мы порвали сборную Корнелла и вернулись домой чемпионами Лиги Плюща.

Я вернулся в мотель и набрал номер Дженни.

Пожалуй, разговор с ней был единственным светлым пятном за весь вечер. Я в деталях рассказал ей о сегодняшней игре (конечно, воздержавшись от полного описания моего casus belli[11 - Casus belli (лат.) – букв. «случай (для) войны», «военный инцидент».]), и, кажется, ей это показалось занимательным. Мало кто из ее хлюпиков-музыкантов смог бы не то что сам ударить, а даже выдержать тумак!

– Ну, я надеюсь, ты уделал того парня?

– Конечно! По полной программе!

– Жаль, что я этого не видела... Но ты же взгреешь кого-нибудь, когда вы будете играть с парнями из Йеля[12 - Йель (англ. Yale University) – частный исследовательский университет США. Вместе с Гарвардским университетом и Принстоном составляет так называемую «Большую тройку».]?

– А то!

Я улыбался: Дженни, как и мне, нравились простые радости жизни.

4

– Дженни внизу, разговаривает по телефону, – сказала дежурная у коммутатора. Я еще даже не сказал, к кому и зачем явился, но тут же вырос в собственных глазах: очевидно, благодаря «Кримзону» и она уже была в курсе, кто я. Хотя нет,

дело не в этом – многие знали, кто я. Важнее было другое – Дженни не скрывала, что мы с ней встречаемся.

– Ничего, я тут подожду.

– Читала в вашей газете, что во время игры с Корнеллом на тебя четверо набросились. Вот жуть!

– Да. А меня за это еще и отправили на штрафную скамью. На целых пять минут!

– Вот заразы...

В этом и заключается разница между другом и поклонником: с последним ты быстро исчерпываешь темы для разговора.

– Там Дженни, часом, не освободилась? – спросил я.

Дежурная проверила по коммутатору и отрицательно мотнула головой: «Нет еще...»

Интересно, на кого это Дженни тратит драгоценное время свидания со мной? Неужто на какого-нибудь вшивого музыкантишку? Я знал, что некто Мартин Дэвидсон, старшекурсник из Адамс Хаус[13 - Адамс Хаус (англ. Adams House) – одно из учебных заведений, входящих в университетский комплекс Гарварда.], который был дирижером в оркестре «Общества друзей Баха», заявлял свои права на Дженни. Не в физическом смысле, конечно, – думаю, у него ничего не стоит, кроме палочки. Во всяком случае, пора положить конец этим ее дурацким беседам.

– А где телефон?

– Внизу, за углом, в холле. – Дежурная показала рукой направление.

Я спустился в холл и уже издали заметил Дженни. Она даже дверь кабинки не закрыла. Я направился к телефонной будке медленно, вразвалочку, надеясь, что вот сейчас она заметит мои бинты, мои боевые раны и вообще всего меня, и так растрогается, что швырнет трубку и бросится в мои объятия. Но, подойдя ближе,

я услышал обрывки разговора.

– Да. Конечно! Конечно! И я, Фил. Я тоже тебя люблю, Фил.

Я застыл. С кем это она так? Точно не с Дэвидсоном – в его имени не было слова «Фил». Досье на этого типа мне уже было известно: «Мартин Юджин Дэвидсон, Риверсайд-Драйв, 70, Нью-Йорк. Студент Высшей школы музыки и искусств». С фотографии в его личном деле глядела тонкая натура, которая наверняка поражала всех вокруг своим глубокомыслием. Весил он при этом, судя по всему, минимум кило на двадцать меньше, чем я. Значит, не Дэвидсон. Получается, что Дженнифер Кавильери нам обоим предпочла кого-то третьего. Даже воздушный поцелуй послала в телефонную трубку. Фу, какая пошлость!

Не иначе как какая-то сволочь по имени Фил уже успела затащить Дженни в постель за те два дня, что меня не было рядом!

– Да, Фил, и я тебя люблю. Пока.

Вешая трубку, она заметила меня. Даже не покраснела, а только улыбнулась и послала еще один воздушный поцелуй – теперь уже мне. Как можно быть такой двуличной!

А потом легонько поцеловала меня в здоровую щеку.

– Ты ужасно выглядишь!

– После травмы немудрено.

Она продолжила:

– А тот, другой, он выглядит еще хуже?

– Да, ему повезло намного меньше. Я не щажу других парней.

Последнюю фразу я постарался произнести как можно более зловеще, как бы давая понять, что изуродую любого, кто покусится на Дженни, раз уж она придерживалась принципа «с глаз долой – из сердца вон!». Она взялась за мой

рукав, и мы направились к двери.

- Пока, Дженни, - кивнула ей дежурная.

- Пока, Сара Джейн, - ответила Дженни.

Когда мы были уже на улице и собирались сесть в мой «миджет», я глубоко вдохнул, набрав полные легкие вечернего воздуха, выдохнул и спросил, стараясь говорить так, словно мне в самом деле все равно:

- Скажи, Джен...

- Да?

- Эмм... Кто такой этот Фил?

- Мой отец, - деловито ответила она, опускаясь на сиденье.

Ага, так я и поверил.

- Ты что, зовешь своего отца Филом?

- Его на самом деле зовут Фил. А ты как своего отца называешь?

Дженни как-то уже говорила мне, что ее воспитывал отец, у которого была своя пекарня в Крэнстоне, штат Род-Айленд. Его жена погибла в автомобильной катастрофе, когда Дженни была совсем маленькой. После этого отец - во всех других отношениях «отличный парень», как она сама говорила, - стал ужасно суеверен и запретил Дженни, единственному ребенку в семье, водить машину. Соответственно, получить права девушка тоже не могла. Ух, сколько крови это ей испортило в старших классах, когда она стала брать уроки фортепиано в Провиденсе. Зато в долгих автобусных поездках Джен успела прочесть всего Пруста.

- Так как ты к своему обращаешься?

Я задумался настолько, что даже не понял ее вопроса.

– К своему чему?

– Как ты называешь своего предка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/erik-sigal/istoriya-lubvi-2/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Цитата Гая Валерия Катулла (лат. Gaius Valerius Catullus) (ок. 87 до н. э. – ок. 54 до н. э.), ориг.: «...namque... solebatis Meas esse aliquid putare nugas...»

2

Преппи – Preppie (амер.) – пренебрежительное прозвище абитуриентов, обучающихся на частных курсах, чтобы поступить в высшее учебное заведение. Обычно это дети состоятельных родителей.

3

Элизабет Барретт Браунинг (Моултон) (англ. Elizabeth Barrett Browning, 1806–1861) – известная английская поэтесса Викторианской эпохи.

4

Барретт Холл – одно из зданий на территории Гарварда, построенное в 1859–1860 гг. архитектором Чарльзом Е. Парксом на пожертвования Бенджамина Бартона из Нортхэмптона и названное в честь последнего.

5

Эдвард Эстлин Каммингс (англ. Edward Estlin Cummings; 1894–1962) – американский поэт, писатель, художник, драматург, представитель формализма. Считается, что Каммингс предпочитал писать свою фамилию и инициалы с маленькой буквы (как e.e.cummings), однако никаких документальных подтверждений этого не существует.

6

Деканский список – список студентов колледжа или университета, которые набрали высший балл по изучаемым предметам в течение семестра, триместра или учебного года.

7

Лига Плюща – объединение восьми частных вузов на северо-востоке США. Этот термин подразумевает высочайшее качество образования, избирательность при поступлении и принадлежность обучающихся к социальной элите.

8

Рашмор (англ. Mount Rushmore) – гора в горном массиве Блэк-Хилс, Южная Дакота, США. Известна вырезанным в гранитной породе барельефом, изображающим четырех президентов США: Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Теодора Рузвельта и Авраама Линкольна.

9

Гарвардская школа права (англ.: Harvard Law School) – юридический колледж, входящий в комплекс учебных заведений на территории Гарварда.

10

Корпус мира (англ. Peace Corps) – американская гуманитарная организация, отправляющая добровольцев в бедствующие страны для оказания помощи.

11

Casus belli (лат.) – букв. «случай (для) войны», «военный инцидент».

12

Йель (англ. Yale University) – частный исследовательский университет США. Вместе с Гарвардским университетом и Принстоном составляет так называемую «Большую тройку».

13

Адамс Хаус (англ. Adams House) – одно из учебных заведений, входящих в университетский комплекс Гарварда.

Купить: <https://telnovel.com/ru/erik-sigal/istoriya-lyubvi-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)